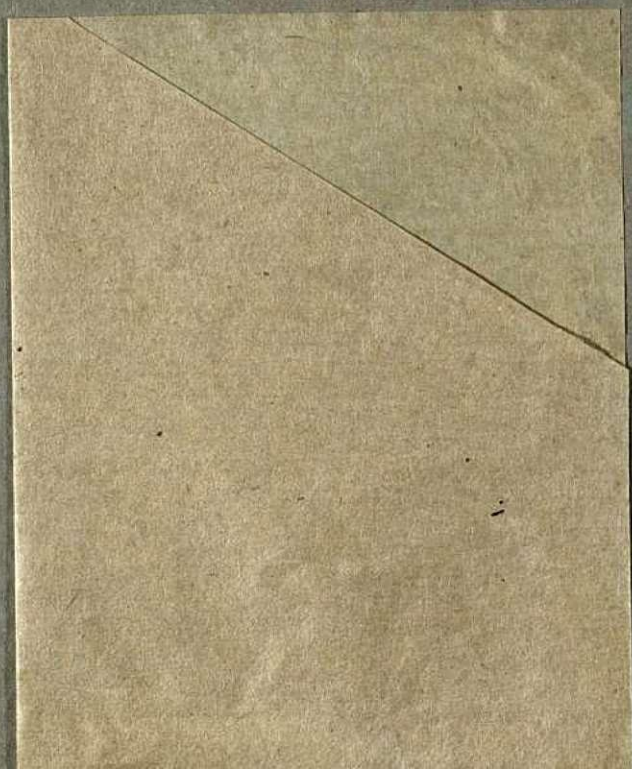

g $\frac{52}{133}$

ДОКУМЕНТА

П. В. Засодимскій.

ИСТОРИЯ ДВУХЪ ЕЛЕЙ.

ДОКУМЕНТА

РАЗСКАЗЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
СРЕДНЯГО
ВОЗРАСТА.

Съ рисунками.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина,
Валовая ул., свой домъ.

1903.

133.
П. В. Засодимскій.

ДОКУМЕНТА

Исторія ДВУХЪ ЕЛЕЙ.

Разсказъ

для дѣтей

средняго возраста.

съ рисунками.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. Москва, 12 сентября 1902 года.

Типографія Т-га И. Д. Сытина, Валовая ул., свой домъ
МОСКВА—1903.

ИСТОРИЯ ДВУХЪ ЕЛЕЙ.

ДОКУСФЕРА

2007054248

Исторія двухъ елей.

(Святочный разсказъ).

I.

Онѣ были близнецы.

Онѣ родились почти въ одно время, отъ одного корня старой лохматой ели и росли вмѣстѣ, рядкомъ. Тотъ лѣсъ, гдѣ росли онѣ, былъ темный, дремучій лѣсъ, съ рѣдкими прогалинками и съ трущобистыми чащами. По краямъ лѣсъ уже рубили; опушка его начинала рѣдѣть. Но чѣмъ дальше отъ опушки, тѣмъ лѣсъ становился чаще, неприступнѣе, тѣмъ пуще обдавало въ немъ дичью, тѣмъ непро-

лазнѣ становилась его глушь. Въ старые годы то мѣсто, гдѣ стояли наши двѣ ели, находилось чуть ли не въ самой серединѣ лѣса и было такой безпросвѣтной чащей, куда не проникали ни солнечный лучъ, ни блѣдное сіяніе мѣсяца. То время уже давно миновало... Въ послѣдніе годы стали сильно вырубать лѣсъ, особенно со стороны города, — и наши ели очутились теперь неподалеку отъ лѣсной окраины. Съ одной стороны ели примыкали къ густой чащѣ, съ другой же — на западѣ — выходили на небольшую прогалину. Посреди этой прогалины торчалъ огромный почернѣлый пенъ, давшій нѣкогда жизнь нашимъ елямъ. Прекраснымъ желто-зеленымъ мохомъ подернутъ былъ пенъ и весь обросъ колючимъ шиповникомъ и жидкимъ, приземистымъ вереснякомъ, подъ которымъ уже не одинъ годъ подъ рядъ птица-пѣнка вила себѣ гнѣздышко. На прогалинѣ видны были кусты малины, и тамъ и сямъ вѣромъ поднимались красивые, узорчатые листья папоротника. Темныя сосны обступали прогалину, а между ними путались двѣ-три осинки съ вѣчно трепещущимъ листомъ. Олешнякъ и ивы густо отгѣняли снизу высокія сосны; кужлявая, бѣлостволая березанька разбрасывала изъ-за нихъ свою нѣжную зелень, рѣзко отдѣляющуюся отъ темной колючей хвои.

Мѣстечко было привольное, уютное. Хорошо было расти нашимъ елямъ въ этомъ зеленомъ уголкѣ. И ели росли прекрасно въ лѣсномъ затишьѣ, на землѣ, удобренной листьями, травой, хвоей и всякою лѣсною гнилью — остатками отъ многихъ поколѣній кустовъ и деревьевъ. Да, именно: наши ели росли на трупахъ своихъ давно отжившихъ, павшихъ собратій. Изъ Смерти почерпала силу Жизнь... Вѣчно свѣжія, вѣчно зеленые ели разрослись на славу. Никто не сказалъ бы, что имъ 15 лѣтъ отъ роду. Напротивъ, имъ всякій легко далъ бы лѣтъ 20. Любо было смотрѣть на нихъ... Высокія, прямые, стройные — онѣ порадовали бы нашъ взглядъ, если бы только мы могли видѣть ихъ во всей ихъ дикой зеленой прелести... Но, кромѣ лѣсного звѣря да птицы, ихъ никто не видалъ. Спокойно и счастливо росли онѣ. Въ ясное утро солнце, пробиваясь между вѣтвей высокихъ деревьевъ, играючи, золотило ихъ вершины, а послѣ того, до полуденнаго часа, онѣ оставались въ тѣни. Въ полдень съ вышины щедро обливало ихъ солнце своимъ свѣтомъ и тепломъ, а вечеромъ, передъ закатомъ, оно опять своими послѣдними, прощальными лучами озаряло ихъ красноватымъ свѣтомъ. Ночью, изъ-за лохматыхъ вѣтвей елей блистали золотыя звѣзды, а иногда и блѣдный мѣсяцъ, высоко стоявшій надъ потемнѣвшимъ

лѣсомъ, бросалъ на наши ели трепетный, серебристый лучъ, какъ лучъ далекой, одинокой лампы, теплившейся подъ голубымъ сводомъ...

Лѣтомъ свѣжая, пахучая зелень, вся разубранная цвѣтами, со всѣхъ сторонъ обступаетъ ели. Тогда вокругъ елей все цвѣтеть, благоухаетъ. Малинникъ весь краснѣетъ ягодами. Подъ осинами вырастаютъ красивые, красно-головые грибы — боровики, а подъ березами и елью поднимаются сѣрые и бѣлые грибы. Въ ту пору деревенскія дѣвушки — краснощекия, смуглыя красавицы — ходятъ по лѣсу съ корзинками. Онѣ собираютъ грибы, лакомятся ягодами и затягиваютъ порой звонкую пѣсню для того, чтобы подальше отогнать медвѣдя. И медвѣдь, слышавъ ихъ звонкое пѣніе, идетъ прочь отъ своего любимаго малинника, валить черезъ пень, черезъ колоду, — только трескотня идетъ по лѣсу. Медвѣдь, конечно, могъ бы легко передушить всѣхъ этихъ непрощенныхъ гостей, съ пѣснями вторгающихся подъ сѣнь его лѣсного царства... Но медвѣдь, по народному повѣрью, никогда не бросается на женщинъ, не обижаетъ ихъ... Лѣтомъ въ вѣтвяхъ елей порхали птицы и отъ ранняго утра до поздней ночи пѣли свои пѣсни. Ночью по лѣсу расходился вокругъ нихъ легкій шорохъ, неясный, какъ журчанье невидимаго ручейка, невнятный, какъ лепетъ младенца...

Днемъ подъ нашими елями на землѣ,—въ травѣ, во мху, подъ сухимъ валежникомъ, подъ каждою малой былинкой—копошились маленькія живыя твари изъ царства насѣкомыхъ. Жужжанье, трещанье на сотни ладовъ шло по-надъ землей... Неподаляку отъ елей былъ большой муравейникъ, весь покрытый сухой хвоей. Въ одномъ этомъ муравейникѣ, право, было несравненно болѣе жизни и движенія, чѣмъ въ любомъ нашемъ провинціальномъ городкѣ... Хотя ели, повидимому, стоятъ очень серьезно, не принимая участія въ общемъ оживленіи, но нѣтъ!.. Только съ виду онѣ кажутся такъ холодно-равнодушны. На самомъ же дѣлѣ, онѣ тоже радуются общему радостью, онѣ тоже веселятся, торжествуютъ въ общемъ торжествѣ и ликованьѣ.

«Пріятно, привольно стоятъ намъ подъ теплыми солнечными лучами! Шу-шу, шу-шу!» тихо шепчутся, бывало, между собой зеленые ели. А ночью тишина, мракъ въ лѣсу, блескъ далекихъ звѣздъ и сіяніе мѣсяца надъ лѣсомъ! «Хорошо, отрадно отдыхать намъ въ безмолвіи и ночномъ сумракѣ, подъ кроткимъ сіяніемъ звѣздъ! Шу-шу, шу-шу!» шепчутся ели, и словно прислушиваются къ тихимъ ночнымъ звукамъ.

Но вотъ листь на рябинѣ началъ желтѣть и краснѣть. По ночамъ надъ землей поднимаются

густые туманы и бѣлымъ покровомъ задерживаютъ лѣсъ. Воздухъ становится холоднѣе и сырѣе, особенно по ночамъ. Пошли дожди... Деревья стояли мокрыя. Въ лѣсу запахло увядающимъ листомъ. Наступила осень. Ласточки и многія другія птицы-пѣвуньи уже покинули свои гнѣздышки и полетѣли на югъ, въ теплые края, до красныхъ весеннихъ дней. Въ лѣсу остаются только его постоянные туземные жители. Чирикаютъ воробушки, каркаютъ вороны, пестрый дятель своимъ длиннымъ, крѣпкимъ клювомъ долбитъ дерево, отыскивая подъ его корой червяковъ и разныхъ насѣкомыхъ. Листья все пуще и пуще желтѣютъ, опадаютъ... Ночи становятся все длиннѣе и темнѣе. Небо облачно... Въ ночномъ воздухѣ припахиваетъ дымомъ отъ овиновъ; изъ лѣса видно, какъ въ ночномъ мракѣ тамъ и сямъ въ деревняхъ мигаютъ красные огоньки. Въ лѣсу по ночамъ ухаетъ филинъ. А деревенскіе ребятишки со страха жмутся другъ къ другу, прислушиваясь къ его дикому уханью, и говорятъ: «Чу! Лѣсной завылъ...» Наконецъ, и листъ облетѣлъ съ деревьевъ. Деревья стоятъ голыя, а земля подъ ними, какъ ковромъ, усыпана разноцвѣтнымъ поблекшимъ листомъ: краснымъ, чернымъ, желтымъ, фіолетовымъ, розовымъ. Последнія красныя ягодки дрожатъ на шиповникѣ. Уныло висятъ обнаженныя вѣтви деревьевъ,

то сухія, то мокрыя, висять то неподвижно, то глухо шумять и трещать подъ дуновеніемъ холоднаго, рѣзкаго вѣтра. Земля стала замерзать. Полетѣли и бѣлыя мухи — первыя снѣжинки... Воробы и вороны все чаще и чаще отлетаютъ къ жилью и тамъ сидятъ, хмуро нахохлившись, и ожидаютъ, пока какая-нибудь баба не выброситъ на дворъ объѣдки отъ своей скудной трапезы. Тогда они ожиляются и слетаютъ съ плетня.

Наконецъ, большіе снѣжные сугробы намело въ лѣсу. Стоятъ елочки, дрогнуть отъ холода въ своемъ темно-зеленомъ убранствѣ (только онѣ да сосны не роняютъ на зиму своей хвойной одежды). Не мало снѣгу повисло на ихъ сучьяхъ... Теперь, зимою, уже иныя картины представляетъ имъ лѣсъ. То, вдругъ, нагрянетъ метелица-выюга: свѣта Божьяго не видно, не видно ни зги; лѣсъ застонетъ, завоетъ глухо-жалобно. То выяснитъ на небѣ, затрещитъ Морозко. Днемъ, на солнцѣ, лѣсъ весь въ снѣгу и въ инѣ блеситъ и горитъ, какъ усыпанный алмазами, а ночью, при мѣсяцѣ, онъ весь проникается какимъ-то волшебнымъ синевато-блѣднымъ сіяніемъ. Какъ сказочные великаны въ заколдованномъ снѣ, неподвижно стоятъ деревья, всѣ въ снѣгу, бѣлыя, блѣдныя, и словно съ мольбой поднимаютъ къ звѣздному небу свои вѣтви, отяго-

щенные хлопьями нависшаго на нихъ снѣга... Иногда сѣрые волки показываются на прогалинѣ, взерошенные, тощіе, голодные. Садятся они на снѣгъ, около почернѣлаго пня, и, вытянувъ морды, воютъ протяжно и жалобно. Собаки въ деревнѣ, слышавъ этотъ отчаянный вой, приходятъ въ большое безпокойство, снуютъ взадъ и впередъ по улицѣ, поджавъ хвостъ, и лаютъ, лаютъ. А люди приговариваютъ: «Вишь, какъ развылись сегодня сѣрые!» Иногда подъ нашими елками бѣлый зайка въ снѣгъ зарывается и спокойно лежитъ, изрѣдка настораживая свое длинное ушко и поводя мордочкой. Иногда бѣлка съ роскошнымъ пушистымъ хвостомъ легко перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку по елямъ. Снѣгъ падаетъ съ вѣтвей... Бѣлка вдругъ становится внимательна. Тревожно поворачиваетъ она головкой, и зорко смотрятъ внизъ ея черные, блестящіе глазки. «Нѣтъ ли тамъ моихъ злодѣевъ? — думаетъ бѣлка. — Нѣтъ ли тамъ охотничка съ собакой?» Не любить и боится ихъ бѣлка... На разсвѣтъ сюда прилеталъ иногда большой черный краснобровый тетеревъ, садился на ель и принимался токовать. Ужъ токовалъ онъ, токовалъ, нѣжно, жалостно, то какъ будто задыхался, то вдругъ начиналъ рѣзко, отчетливо отчеканивать каждый звукъ своей однообразной, призывной пѣсенки...

Стоять наши ели, словно усыпленные какими-то чарами, и дѣйствительность въ видѣ сна проходить передъ ними. Такъ стоятъ онѣ въ снѣгу, на вѣтру, на холодѣ, въ ожиданіи весны, въ ожиданіи возврата тепла, солнца, цвѣтовъ, въ ожиданіи той поры, когда надъ лѣсомъ опять поплывутъ свѣтлой вереницей благодатные лѣтніе дни, тихіе вечера съ розовыми зорями и синія звѣздныя ночи.

II.

Спокойно жили-поживали ели-близнецы. Проходили года — и ничто не угрожало ихъ спокойствію, никто не тревожилъ ихъ. Только иногда мимо нихъ проходилъ охотничекъ съ ружьемъ на плечѣ, внимательно озираясь по сторонамъ. Иногда охотникъ неслышимо скользилъ на лыжахъ по улежавшемуся снѣгу. Кромѣ него, никто не заглядывалъ въ лѣсную чащу. Впрочемъ, порой доносились до елей чьи-то тяжелые шаги, слышался говоръ грубыхъ людскихъ голосовъ, по лѣсу раздавался мѣрный стукъ, затѣмъ слѣдовалъ трескъ... И опять все смолкало. То крестьяне приходили рубить лѣсъ... Топоръ съ каждымъ разомъ

все ближе и ближе подвигался къ прогалинѣ, и сухой, зловѣщій стукъ его все явственнѣе доносился до нашихъ елей...

Однажды, въ концѣ зимняго мѣсяца декабря, въ одно тихое, морозное утро, не ждано не гадано приключилась бѣда... Ясное, безоблачное небо въ то утро, казалось, дышало холодомъ. Солнце еще не всходило, но востокъ уже горѣлъ огнемъ, и красноватая тѣнь ложилась по снѣгамъ. Вдругъ, изъ-за деревьевъ, покрытыхъ снѣжнымъ саваномъ, показался мужикъ. По колѣни въ снѣгу пробирался онъ на прогалину... Баранья шапка его нахлобучена на уши; полушубокъ, весь въ заплатяхъ, опоясанъ пестрымъ кушакомъ; на ногахъ — большіе сѣрые валенки, на рукахъ — рукавицы. У мужика лицо красное отъ мороза, особенно загорѣлся носъ; усы и густая всклокоченная борода заиндевели, запылились снѣгомъ. Востро наточенный топоръ сверкалъ у него за поясомъ, отливая синеватымъ блескомъ... Выбравшись на прогалину, мужикъ осмотрѣлся кругомъ, какъ бы ища чего-то, и вдругъ глаза его остановились на еляхъ. Онъ уже нарубилъ нѣсколько елочекъ. Ему доставало только одной, но эту одну — послѣднюю онъ долго искалъ, никакъ не находя подходящей: то немного крива, то мала, то высока. Мужикъ направился къ на-

шимъ елямъ, шагая по сугробамъ, посмотрѣлъ на нихъ и крикнулъ отъ удовольствія. Онъ рѣшилъ срубить одну изъ елей: ему надо было именно такую елочку.

Мужикъ взялъ свой вострый топоръ, размахнулся... Какъ синеватая молнія, блеснулъ топоръ — и глубоко врѣзался въ ель. Ель только охнула... И, наклонившись, мужикъ принялся рубить, и рубилъ бойко, живо. Куски коры и щепки разлетались по сторонамъ, топоръ сверкалъ; все глубже и глубже врѣзывалось въ сердцевину ели его убійственное остріе. Ель поскрипывала, покачивалась, вздрагивала; хлопья пушистаго снѣга валились съ ея вѣтвей мужику на голову, на плечи, на спину.

«Срублю, срублю! Тукъ-тукъ, тукъ-тукъ!» страшно, рѣзко, отчетливо раздавалось по лѣсу въ тихомъ, морозномъ воздухѣ. «Ой-ой, ой-ой!» словно задыхаясь и вся дрожа отъ боли, поскрипывала ель жалобнымъ, плачущимъ скрипомъ. «Ахъ-ну! Тукъ-тукъ!» врѣзываясь въ самую сердцевину ели, звякнулъ топоръ. «О-охъ!» пронеслось по лѣсу. Ель пошатнулась, треснула и со стономъ повалилась въ снѣгъ. Въ то мгновенье, какъ она зашаталась, готовясь упасть, красное негрѣющее солнце показалось надъ горизонтомъ, и яркій лучъ его на прощанье скользнулъ по

Ель пошатнулась, треснула и со стономъ повалилась на снѣгъ.

зеленой вершинѣ ели, словно играючи пробѣжавъ по ней...

И вотъ лежитъ срубленная ель, лежитъ неподвижно, не перебирая своею хвоею, не шевеля ни одной вѣточкой. Изъ смертельной раны ея на стволѣ выступилъ тотчасъ же застывшій на морозѣ сокъ, какъ капли слезъ по минувшей, кончившейся жизни... Крестьянинъ заткнулъ топоръ себѣ за поясъ и, подхвативъ ель на плечо, потащилъ ее съ прогалины, отъ родимаго пня, въ лѣсную даль, всю пронизанную въ тѣ минуты золотомъ утреннихъ лучей. На опушкѣ крестьянинъ свалилъ ее въ дровни вмѣстѣ со многими другими елками, помызгалъ свою чалку и, присѣвъ на край дровней, тряхнулъ веревочными вожжами. Тихо, легко скрипнули полозья по снѣгу. Мужикъ отправился домой.

Дома онъ придѣлалъ къ елкамъ изъ гладко выстроганныхъ деревянныхъ планокъ подножіе. Затѣмъ, въ рождественскій сочельникъ, повезъ онъ елочки въ городъ на продажу. Тутъ наша елочка въ первый разъ очутилась посреди городского шума и толкотни. Елочка умерла еще не совсѣмъ. Соки въ ней еще жили... Но жила она какою-то странною, неполною жизнью, находясь какъ будто не то въ забытьѣ, не то въ бреду... Уличный шумъ на первыхъ порахъ оглушилъ ее и послѣ лѣс-

ного безмолвія показался ей до того адски-невыносимымъ шумомъ, что она готова была бѣжать безъ оглядки въ лѣсную чащу, гдѣ въ дремотной тишинѣ стоятъ подъ снѣгомъ ея зеленые собратья, сосны и ели, а въ числѣ ихъ и елочка-близнецъ... Но некуда ей дѣваться! Напрасныя желанья... Мужикъ поставилъ ее вмѣстѣ съ прочими елками на улицѣ у тротуарной тумбы, противъ какой-то лавки.

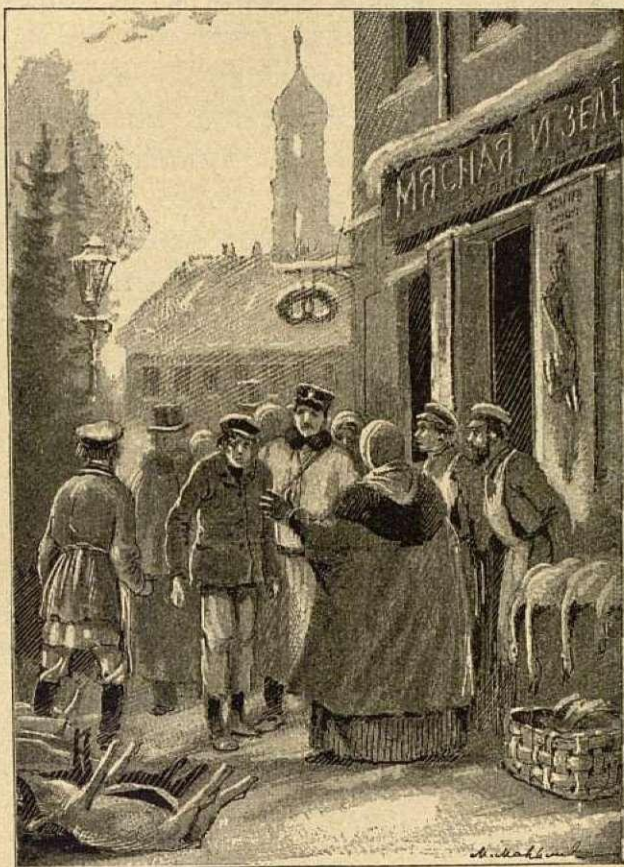
Въ странномъ обществѣ тогда увидала себя ель.

Вокругъ нея навалены груды всякой мертвечины, а около этой мертвечины ходятъ, бродятъ люди; одни какъ будто озабочены; на лицахъ же другихъ расплывается довольная, блаженная улыбка. И чего-чего не насмотрѣлась тутъ наша елочка!.. Куры, гуси, утки, индюшки грудами лежали, растопыривъ лапки,—ощипанные, голые, обезглавленные. Далѣе виднѣлись поросята съ нѣжно-розовыми ушками, жирныя туши свиней, телятъ, барановъ... Тутъ ель нашла и своихъ старыхъ знакомыхъ... но въ какомъ жалкомъ видѣ! Мертвые зайчики лежали, вытянувъ лапки и оскаливъ свои бѣлые рѣзцы. А далѣе—пестрые рябчики, куропатки, большіе черносизые тетерева-глухари... Все это — старые, хорошіе знакомые, — даже, можетъ-быть, изъ того же лѣса!..

Между грудями этой мертвечины, толкаясь, бродили люди, торговались, спорили, хохотали и бранились... Какой-то пожилой чиновникъ съ женой подошелъ къ нашей елкѣ. Жена потрясла елочку за вѣтку и стала торговаться. Мужу елка показалась дорога; женѣ хотѣлось купить ее. Заспорили, побранились, надулись и, отворотившись другъ отъ друга, пошли далѣе. Потомъ пришли молодые, мужъ съ женой, красивые, нарядные. Мужъ указалъ на нашу елочку и шепнулъ женѣ: «Вотъ и мы, дорогая моя, купимъ такую же хорошенькую елочку, да?» Молодая женщина улыбнулась и съ любовью посмотрѣла на своего ласковаго супруга, посмотрѣла на него такими голубыми, чистыми глазками, которымъ въ цвѣтѣ и чистотѣ позавидовали бы майскія небеса... Тутъ въ толкотнѣ какой-то бѣднякъ въ драгомъ рубищѣ, голодный, худой, какъ Кошей Безсмертный, залѣзъ съ горя въ карманъ къ толстой купчихѣ. Та заорала, конечно, во все горло. Полицейскій, словно выросшій изъ земли, схватилъ бѣдняка за плечи, да такъ усердно, что у того на спинѣ даже одежда затрещала. Жалкаго вора уволокли въ казематку. Ребятишки сновали у взрослыхъ подъ ногами. Собаки, поджавъ хвосты, нюхая, бѣгали тутъ же; лавочники и прохожіе безъ милосердія пинали ихъ ногами...

Шумъ, гвалтъ, ревъ... точно весь городъ обезумѣлъ. Многого наша елочка не поняла, многого не дослышала. Она поняла только

ДОКУМЕНТА

одно ясно, что завтра «Рождество Христово»... Начиная уже смеркаться. Синеватые вечернія тѣни ложились на улицѣ. Въ лавкахъ

и въ домахъ кое-гдѣ зажглись огни. Сѣрое небо раскидывалось надъ городомъ. Наступила оттепель. Дорога потемнѣла... «Скоро ли же конецъ?» подумала наша елочка. И конецъ пришелъ... — Явилась какая-то барыня, поторговалась немного съ мужичкомъ и купила нашу елку, а человѣкъ, шедшій за барыней, взялъ елку на плечо и отнесъ ее въ домъ...

Тутъ на время елку оставили одну въ какой-то темной, маленькой комнаткѣ, въ которой при сѣроватомъ свѣтѣ, пробивавшемся въ окно, только и можно было разсмотрѣть большую бѣлую печь съ большой изразцовой лежанкой и ландкарту на стѣнѣ. Въ комнаткѣ было тихо, тепло, даже душно. Смутный говоръ доносился изъ дальнихъ комнатъ...

III.

И вотъ наша елочка изъ потемокъ вдругъ очутилась въ большой, ярко освѣщенной залѣ.

Ее увѣшали бонбоньерками, пряниками, конфетами, орѣхами, покрытыми сусальнымъ золотомъ, и всякою всячиной. Почти къ каждой вѣтви ея прилѣпили по нѣскольку разноцвѣтныхъ восковыхъ свѣчей. У подножія ея помѣстились игрушки: нарядныя куклы съ фарфоровыми головками и съ лайковыми туловищами, набитыми отрубями, большія бумажныя лошади съ черной гривой и съ красными глазами, маленькіе солдатики съ оловянными ружьями, деревянный мужикъ съ медвѣдемъ, собаки, кошки и много всякаго другого звѣрья... Зажгли на елкѣ свѣчи, зажгли на стѣнахъ кенкетки и растворили дверь. Въ залу съ шумомъ, весело вбѣжало маленькое общество, а спереди всѣхъ — самъ маленькій хозяинъ. Ахають, охають. Неясное жужжанье, гомонъ расходится по залѣ, и по временамъ прорываются возгласы: «Посмотри, посмотри!.. А здѣсь-то!.. Ахъ! Пуси!.. Не трогай... Упадеть!..»

Хозяинъ, Коля, — здоровый, краснощекій мальчуганъ, — страшно суетится около елки. Какъ же! Нужно, чтобы свѣчи не отопились, не наклонились и не подожгли какъ-нибудь вѣтку... Все это — очень важно, и за всѣмъ этимъ нужно присмотрѣть! На Колѣ — черная бархатная курточка, сѣрая панталона, на шеѣ — чудесный голубой галстучекъ. Его бѣлокурые

вьющіеся волосы старательно причесаны. Его причесывала мамаша. Причесавши, она съ любовью погладила его по головѣ и поцѣловала... Пройдутъ года, много лѣтъ пройдетъ, — и некому будетъ приглаживать эти шелковистые волосы, и некому будетъ цѣловать этотъ бѣленькій лобъ такъ нѣжно, горячо и безкорыстно... Конечно, теперь, когда елка блеститъ и горитъ посреди залы, такія темныя, невеселыя думы не могутъ приходить въ голову. Но время летитъ... И теперь, когда елка блеститъ и горитъ, маятникъ большихъ старинныхъ часовъ все ходитъ и ходитъ, какъ должно, не тише и не скорѣе...

Свѣчи на елкѣ сгорѣли болѣе чѣмъ до половины; иныя свѣчи уже отопились. Рѣчь заходитъ уже о томъ, не пора ли полакомиться конфетами. Толстенькій мальчуганъ, карапузъ лѣтъ двухъ, еще недавно начавшій ходить, стоитъ передъ елкой, растопыривъ свои коротенькія ножки. Онъ уже давно смотритъ на свѣсившуюся съ елки блестящую бонбоньерку и, указывая на нее ручкой, довольно нетерпѣливо что-то мычитъ себѣ подъ носъ. Но никто его не слышитъ, никто не обращаетъ вниманія на его жалобы. Наконецъ, невѣрными шагами, переваливаясь, подходитъ онъ къ елкѣ, наклоняется и, смотря на игрушечныхъ коней, мызгаетъ губами и бормочетъ:

«У-а-а! Тпрушка... Васѣ тпрушку!» Но опять-таки никто не слышитъ, что «Васѣ нужна лошадка...»

ДОКУСФЕРА

Дѣтки разбѣгались, разыгрались. Въ залѣ стало жарко, душно. Запахъ воска смѣшивался съ запахомъ ели; припахивало помадой, духами, краской отъ игрушекъ. Разноцвѣтныя восковыя свѣчи, казалось, съ трудомъ горѣли въ тяжеломъ, нагрѣтомъ воздухѣ... Началась раздача игрушекъ. Коля съ веселымъ, радостнымъ личикомъ подбѣжалъ къ своей маленькой подругѣ.

— Соня! Которую куклу ты хочешь? Выбирай! — сказалъ онъ впопыхахъ, схватывая ее за рукавъ ея, бѣлаго кисейнаго платица и таща къ елкѣ.

— Вонъ ту — въ розовомъ, съ длинной бѣлой вуалью! — торопливо отвѣтила Соня, указывая на куклу, которая стояла, прислонившись къ стволу ели и безпомощно раскинувъ свои лайковыя ручонки.

— На, бери! — крикнулъ хозяинъ, передавая куклу во владѣніе Сони.

— Коля! милый!.. Вѣдь это — невѣста... да? — замирающимъ отъ восторга голосомъ спрашивала дѣвочка, любуясь на куклу и повертывая ее передъ собой.

— Невѣста! — рѣшительно и не обинуясь, съ серьезнымъ видомъ отвѣтилъ Коля.

При раздачѣ подарковъ говоръ въ залѣ позатихъ, замеръ... Маленькому мальчугану, давно уже мызгавшему, глядя на коней, досталась бонбоньерка и сѣрая кошечка. Видя, какъ дѣвочки цѣловали своихъ куколъ, карапузъ также пресерьезно цѣловалъ въ мордочку свою кошку и запускалъ пальцы въ бонбоньерку все глубже и глубже. Скоро игрушки были разобраны. Елка опустошена. Только кое-гдѣ видны еще висѣвшія на вѣткахъ ниточки и обрывки тесе мокъ. Свѣчки догорѣли и погасли; нѣкоторыя изъ нихъ были потушены гостями. Только высоко, на верхнихъ вѣтвяхъ елки, еще мерцали двѣ-три догоравшія свѣчи.

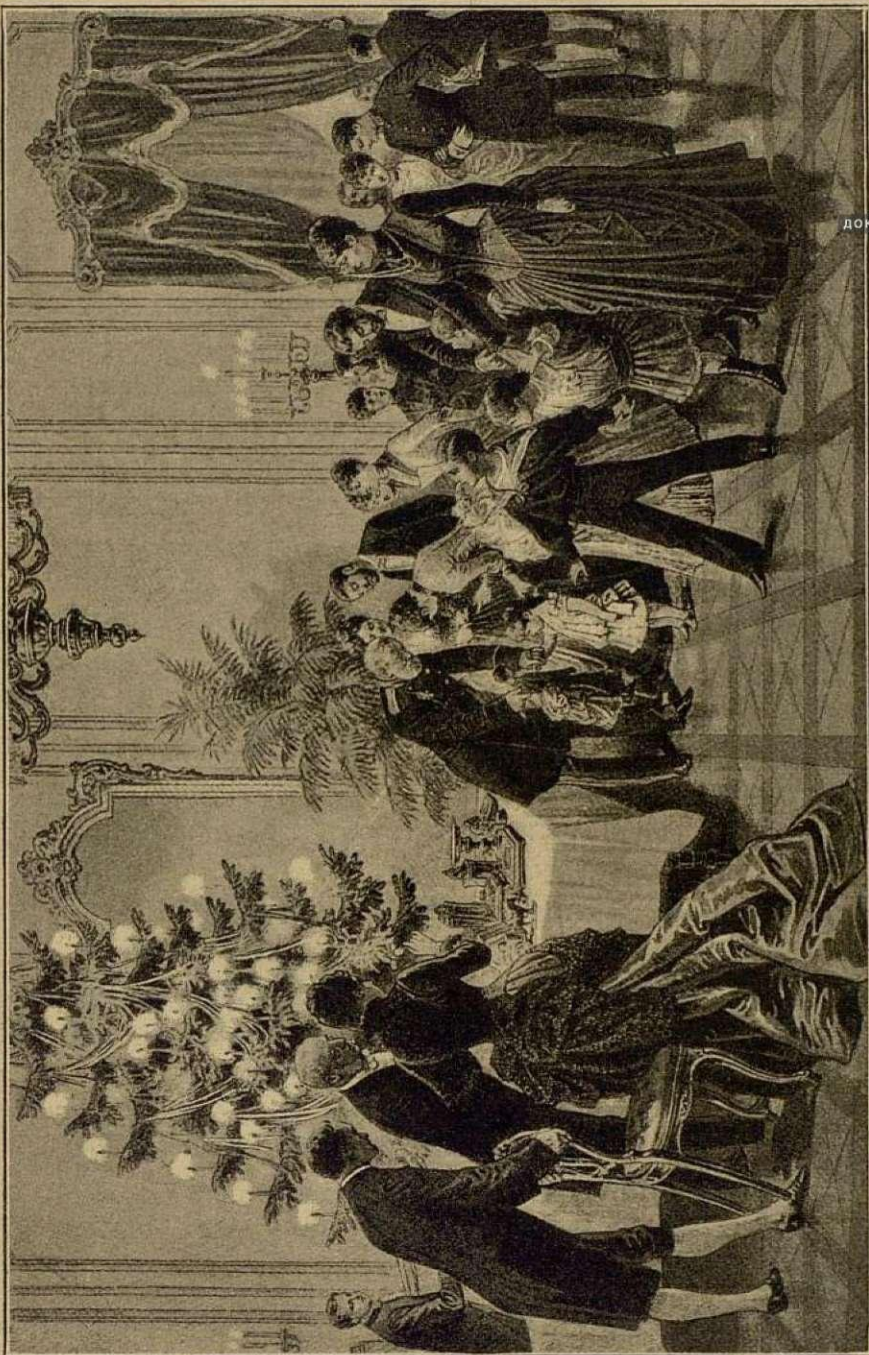
Тогда Соня и Коля сѣли подъ елку отдыхать. Имъ было жарко; они устали. Лица, ихъ горѣли, волосы растрепались...

— Фу, какъ жарко!.. — говорила дѣвочка обмахиваясь платкомъ.

— Соня! Знаешь ли что... — заговорилъ Коля, поднимая голову и смотря на зеленые вѣтви, склонявшіяся надъ нимъ. — Когда я вырасту большой, мы съ тобой и съ мамой уѣдемъ въ деревню и будемъ тамъ жить... Слышишь?

Соня, молча, утвердительно кивнула ему головой. Ротъ ея на ту пору былъ занятъ.

— Мы станемъ ходить съ тобой въ лѣсъ за ягодами, за грибами... — продолжалъ мальчу-

— Соня! Которую куклу ты хочешь? Выбирай!

ганъ. — Тамъ, въ лѣсу, такія же ели, вотъ какъ эта... Есть и больше этой! Есть такія, что и не обхватишь... Такъ же, вотъ, какъ теперь, сядемъ мы гдѣ-нибудь подъ елочкой и станемъ отдыхать... А сколько тамъ цвѣтовъ, рѣчка такая славная, чистая... прелесть! По утрамъ купаться отлично... вода студеная!.. Хорошо въ деревнѣ... Соня, ты поѣдешь со мной?

— Поѣдемъ! — согласилась та, доѣдая, наконецъ, свой виноградъ.

— Хорошо въ деревнѣ! — повторилъ Коля и на минуту задумался.

Онъ только разъ въ жизни былъ въ деревнѣ: годъ тому назадъ гостилъ у бабушки въ усадьбѣ. И теперь на мгновенье ему живо представились знакомыя привольныя мѣста... Журчатъ ручьи, шумятъ рощи, желтая колосистая рожь волнуется и отливаетъ золотомъ на солнцѣ, въ лугахъ пестрѣютъ цвѣты, и пѣсня жаворонка льется съ неба... Коля уговорился со своею подругой. И прекрасно! Они отправятся въ деревню и тамъ будутъ гулять въ лѣсу!.. А на елкѣ послѣднія свѣчи уже догорѣли, гаснутъ. Легкій синеватый дымокъ вьется къ потолку и исчезаетъ. Дѣти стали расходиться. Толстенькаго карапуза нянька унесла домой на рукахъ. Мальчуганъ даже и во снѣ не выпускалъ изъ ручонки своего сѣраго кота...

Зала затихла, опустѣла и скоро погрузилась во мракъ. Было уже далеко за полночь, когда мѣсяцъ заглянулъ въ залу черезъ окна, раз-

ДОКУМЕНТАР

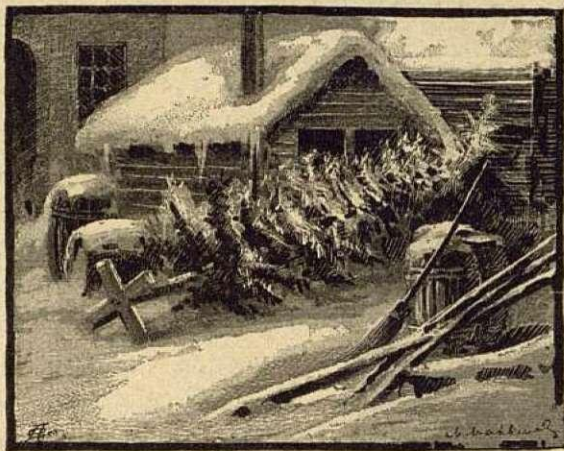

рисованныя морозомъ, и блѣднымъ свѣтомъ обдалъ ель, одиноко стоявшую посреди комнаты. И ель неясно и смутно отразилась въ темной глубинѣ зеркала. Позолоченная зеркальная рама тускло рисовалась въ полусвѣтѣ... Ель совсѣмъ уже умирала. Она начала плохо сознавать себя, переставала понемногу чувствовать и понимать.

Послѣднее, что она еще отрывисто и очень-очень смутно чувствовала, было то, что утромъ на другой день ее вынесли изъ залы, тащили

по какой-то грязной лѣстницѣ, вытащили во дворъ и тамъ бросили въ снѣгъ.

Такова исторія одной изъ нашихъ елей. А что случилось съ другой? Гдѣ она, жива ли, и, если жива, то каково живетъ!.. Маятникъ большихъ, старинныхъ часовъ ходитъ, какъ должно, не тише, не скорѣе. Поэтому я еще успѣю рассказать и про судьбу другой ели...

IV.

Прошло ровно 20 лѣтъ. Елочка-близнецъ, оставшаяся въ лѣсу, разрослась на славу, стала большою елью и очутилась уже

на самой опушкѣ. Лѣсъ за это время сильно повырубили...

Въ одинъ сѣрый, тусклый денекъ, въ концѣ зимняго мѣсяца декабря, опять пришелъ мужикъ съ топоромъ и принялся рубить ели. Срубилъ онъ и нашу ель, свалилъ ее на дровни вмѣстѣ съ прочими елушками и повезъ къ себѣ домой, въ деревню. Тамъ онъ распорядился съ ними такъ: къ красивымъ, молоденькимъ елямъ онъ сдѣлалъ подножки, старыя же ели раскололъ на дрова, а обрубленные вѣтви ихъ свалилъ въ кучу и вмѣстѣ съ отдѣланными елочками повезъ въ городъ. Хорошенькія елочки съ подножіями мужикъ приготавлилъ на продажу — на утѣху малымъ дѣткамъ. Куча же еловыхъ вѣтокъ была заказана ему для похоронъ... Вотъ въ эту-то кучу попали вѣтви и нашей ели: имъ было суждено своею темною зеленью усыпать для мертвеца путь къ могилѣ — послѣдній путь... И рано утромъ, чѣмъ свѣтъ, мужикъ съ помощью своего земляка разбросалъ еловые вѣтви по улицѣ, набросалъ ихъ чуть не до самаго кладбища.

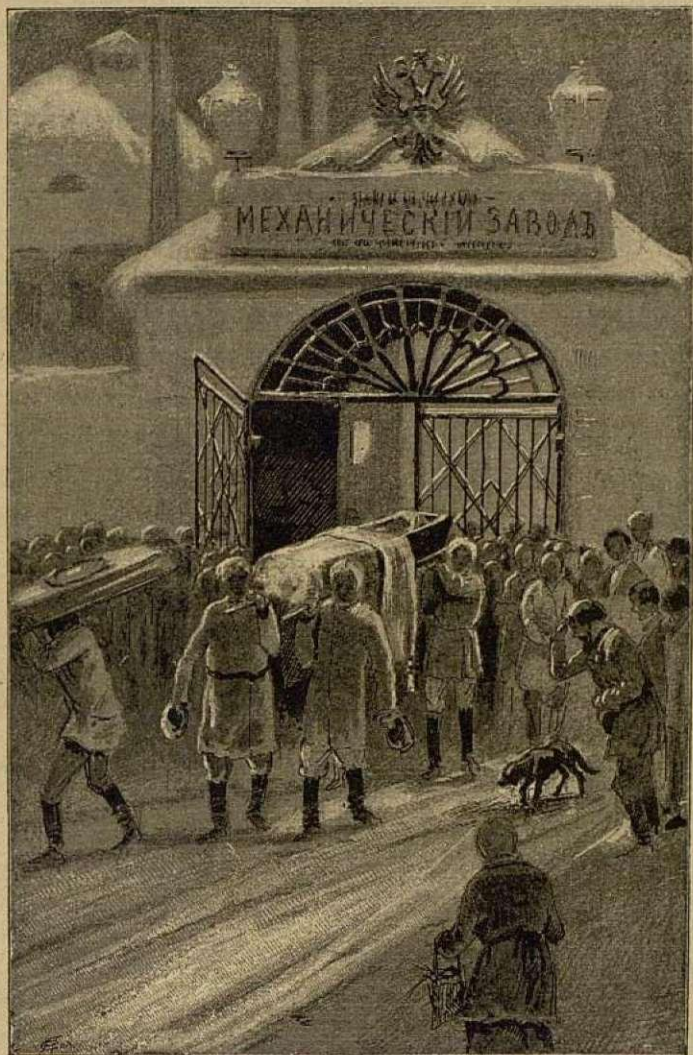
Разсвѣло. Денекъ выдался сѣрый, пасмурный. Въ воздухѣ порошилъ снѣжокъ. Кухарки, идя на рынокъ, увидали разбросанный ельникъ и стали переговариваться между собой...

— Это кого же сегодня хоронятъ-то? — спросила одна изъ нихъ.

— Заводскаго конторщика! Развѣ не слыжала... — отвѣчала ей другая. — Такой былъ худой, чахоточный...

— Говорятъ, добрый былъ малый! — добавила ихъ товарка. — Мастеровые-то, слышь, шибко жалѣють его.

Вотъ на соборныхъ часахъ стрѣлка перешла за XI. Съ жалобнымъ воемъ, словно плача, растворились настежь желѣзныя заводскія ворота, скрипнувъ на своихъ ржавыхъ петляхъ. Изъ-подъ сумрачныхъ сводовъ воротъ показалось печальное шествіе. Четверо сильныхъ рабочихъ несли простой сосновый гробъ, некрашенный, безъ всякихъ позументовъ, безъ всякой мишуры. Только одинъ маленькій зеленый вѣнокъ съ искусственными цвѣтами лежалъ на крышкѣ гроба. Эту крышку несъ на головѣ, впереди гроба, молодой парень. Покойный былъ завернутъ до плечъ въ грубый, холстинный саванъ; желтовато-блѣдное лицо его оставалось на виду. Глубоко впавшіе глаза его закрыты, и спокойная, добрая улыбка застыла на губахъ... Четверо рабочихъ шли за гробомъ. За ворота высыпала цѣлая толпа рабочихъ: — взрослыхъ и ребятъ... Точно они изъ пекла повыскакали. Всѣ лица и руки — въ пыли, въ грязи, въ сажѣ, и какъ-то особенно

Изъ-подъ сумрачныхъ сводовъ воротъ показалось печальное
шестье.

неестественно и страшно блестятъ глаза изъ-подъ этой закопѣлой маски. Одежда у нихъ на плечахъ рваная, вся въ заплатяхъ и въ дырахъ. Иные въ однѣхъ сѣрыхъ или синихъ блузахъ, у другихъ поверхъ блузъ надѣты кожаные передники. Одни въ сапогахъ, другіе въ башмакахъ на голую ногу, а то и просто босикомъ. Волосы взъерошены... Рабочимъ, очевидно, хотѣлось бы проводить своего конторщика до могилы, да никакъ нельзя, некогда. Утро прогуляешь, за цѣлый день вычтутъ. Такіе порядки вездѣ на заводахъ... А дома у рабочихъ семья сидитъ безъ хлѣба, денегъ ждетъ... Грязная, оборванная, черно-мазая толпа молча слѣдила за удалявшейся похоронной процессіей. Когда рабочіе съ гробомъ заворачивали за уголъ по дорогѣ къ кладбищу, изъ толпы слышался возгласъ, гүлко пролетѣвшій по улицѣ:

— Прощай! братъ, Николай Васильевичъ! Душенькѣ твоей вѣчный покой!

— Прости, братъ!— подхватилъ другой грубый голосъ.

Кто-то тяжело вздохнулъ...

— Чего уставились? Маршъ въ мастерскія!— слышался голосъ изъ-подъ сумрачныхъ сводовъ воротъ.

То командовалъ управляющій.

— Загагайкаль! — съ неудовольствіемъ вслухъ проворчали въ толгѣ.

Рабочіе зашли во дворъ, и желѣзныя ворота съ глухимъ шумомъ и трескомъ снова захлопнулись за ними... А похоронное шествіе той порой подвигалось къ кладбищу. Кромѣ четверыхъ рабочихъ, за гробомъ еще шелъ заводскій мальчикъ Матюша, да плелась какая-то старушонка, уже издавна по привычкѣ провожавшая покойниковъ. Ужо проводитъ ли ее самое кто-нибудь на это послѣднее новоселье?.. За гробомъ же, грустно понурившись, опутивъ голову, бѣжало еще одно живое, любящее существо. Но его ни за что сторожъ не пуститъ въ церковь. То была рыжая косматая невзрачная дворняжка. Ни разу во всю дорогу она не взлаяла на воронъ; ни разу не пустилась бѣжать впередъ, но тихо шла съ рабочими, поджавъ хвостъ и какъ-то необыкновенно уныло смотря въ землю. Эта заводская собачонка была другомъ покойнаго конторщика. Каштанка — такъ звали собаку — готова была броситься за нимъ въ воду, ни разу не укусила его, всегда оставалась ему вѣрна.

— Съ вами, ребята, собака-то пристала что ли? — дребезжащимъ голосомъ спросила рабочихъ старушка.

— Съ нами, баушка! — отвѣтили ей тѣ вполголоса. — Знала она, вишь, покойника-то. Тотъ ей все хлѣба бросалъ...

ДОКУМЕНТАР

— Господи Боже, помилуй насъ! — пропала старуха и, немного погодя, оглянувшись на Каштанку, замѣтила: — Что же вы ее не гоните-то?

— За что ее гнать?.. Пускай идетъ, коли хочетъ!

Такъ вся процессія, съ Каштанкой позади, и пошла далѣе своимъ путемъ.

Кого же хоронятъ, для кого набросанъ этотъ ельникъ? Кто такой конторщикъ Николай Васильевичъ, котораго несутъ въ могилу, на своихъ сильныхъ, могучихъ рукахъ, эти добрые, честные люди, за которымъ идетъ эта плюгавая, рыжая собачонка? Оглянемся ненадолго, лѣтъ за 20 назадъ, и все узнаемъ...

V.

Николая Васильевича прежде звали Колей... Для этого-то Коли мамаша и купила нашу первую елку и всячески украсила ее. Этотъ-то самый Коля и подарилъ съ елки Соничкѣ куклу въ розовомъ платьѣ, съ бѣлой вуалью. Этотъ-то самый Коля и уговаривался

съ Соничкой ѣхать въ деревню и тамъ гулять по полямъ и лѣсамъ... Конечно, въ блѣдномъ покойникѣ съ осунувшимся лицомъ нельзя и признать того здороваго, краснощекаго мальчугана, что такъ весело суетился около елки, да вѣдь зато не даромъ же и цѣлыхъ 20 лѣтъ прошло, не даромъ маятникъ большихъ старинныхъ часовъ такъ долго стучалъ, стучалъ и стучалъ...

Въ дѣтствѣ Коля жилось спокойно подъ крылышкомъ матери, но не прошло и безъ горя. Года черезъ два послѣ той памятной святочной елки Соня со своими родными уѣхала въ другой городъ, далеко, за многія сотни верстъ. При прощаніи наши друзья горько плакали, обѣщали всегда любить другъ друга и часто переписываться. Горе дѣтское было такъ велико, что Коля нѣсколько дней просто нигдѣ себѣ покоя не находилъ. На отпотѣвшемъ стеклѣ окна въ своей дѣтской онъ писалъ пальцемъ: «Соня... Милая Соня... Моя Соня... Соничка», и все въ томъ же родѣ. Тѣ же самыя слова писалъ онъ на бумагѣ, или же принимался сочинять къ Соничкѣ письмо съ просьбой, чтобъ она воротилась къ нимъ. Углемъ на лежанкѣ онъ рисовалъ ея портретъ. Портретъ не походилъ ни на что, но Коля смотрѣлъ на него сквозь слезы. А вечеромъ, ложась спать, или ночью, просыпаясь,

онъ вдругъ начиналъ плакать, плакать такъ горько и рыдать, что мать, испугавшись, не разъ приходила къ нему узнавать: что съ нимъ, здоровъ ли онъ, не испугался ли чего-нибудь во снѣ? Мама садилась къ нему на кровать, утѣшала его, и такъ подолгу сидѣла, наклонивъ надъ его изголовьемъ свое милое, блѣдное лицо. Такъ онъ иной разъ и засыпалъ, крѣпко держа въ своихъ ручонкахъ руку мамы... Черезъ недѣлю, черезъ двѣ, конечно, горе полегчало. Коля увѣрялъ себя, что онъ, когда вырастетъ большой, непременно встрѣтится съ Соничкой, найдетъ ее во что бы то ни стало. Напрасныя увѣренія! Онъ уже не видалъ болѣе Сони, даже ничего не слыхалъ о ней. Была ли она жива, вышла ли замужъ или уже умерла, ничего онъ не зналъ...

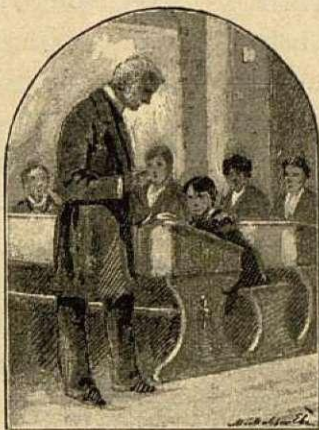
Вскорѣ послѣ ея отъѣзда Коля поступилъ въ школу. Тутъ опять вышло не мало горя: приходилось привыкать къ тяжелой казарменной жизни, къ казеннымъ желтымъ каменнымъ стѣнамъ, къ столамъ, выкрашеннымъ черной краской... Наконецъ, Колѣ минуло 16 лѣтъ. Какъ-то весной, въ цвѣтущемъ мѣсяцѣ маѣ, когда шли экзамены, Колю какъ громомъ поразило извѣстіе о смерти матери. Отца онъ не зналъ, не помнилъ... Всю дѣтскую любовь свою съ малыхъ лѣтъ онъ отдалъ матери. Ему

никогда даже и въ голову не приходило, что его мама, милая, дорогая мама когда-нибудь можетъ умереть... И вдругъ ея нѣтъ, ея не стало! Коля въ страшномъ отчаяніи. Онъ занемогъ и оборвалъ экзамены на половинѣ. Впрочемъ, теперь для него все равно, сколько бы ни поставили ему на экзаменѣ—пять, два или единицу. Онъ учился съ тою мыслью, чтобы сдѣлаться ученымъ, докторомъ: тогда онъ мамѣ не далъ бы хворать, сталъ бы лѣчить ее... «А теперь мамы нѣтъ! Значить, все равно!» Такъ сгоряча думалось ему... Когда Коля узналъ о смерти матери, въ ту минуту онъ вовсе не подумалъ о томъ, какъ она умирала, какъ доживала свои послѣдніе часы; не представлялъ онъ себѣ ее и мертвой, лежащей въ гробу. Нѣтъ! Лишь только онъ узналъ объ ея смерти, какъ прежде всего почему-то съ жгучей болью припомнилось ему ихъ первое разставаніе. Провожая его въ первый разъ изъ дома въ школу, мать на прощанье крѣпко и много цѣловала его, цѣловала его въ губы, въ лобъ, въ глаза, цѣловала и плакала. И чувствовалъ тогда Коля, какъ ея теплыя слезы мочили ему волосы, падали ему на щеку, на глаза... Вдругъ съ чего-то теперь воспоминаніе о тѣхъ минутахъ воскресло передъ нимъ во всей силѣ, и такъ ярко, такъ живо, что ему почудилось, какъ теплыя слезы покатались у него по

щекѣ, падали ему на руку, на книгу, надъ которой онъ сидѣлъ теперь, наклонившись и поддерживая голову руками. Да и вправду слезы капали на книгу, на какую-то «географію», но то были его собственные слезы.

Послѣ смерти матери оказалось, что денегъ у нея осталось лишь столько, чтобы Колѣ на нихъ кончить курсъ. И черезъ годъ онъ кончилъ... Опекунъ, дальній его родственникъ по отцу, объявилъ ему, что имущества у него всего на все на 40 рублей. «Что хочешь съ ними, то и дѣлай!» Въ Москву или въ Питеръ итти далеко, денегъ не хватитъ. Опекунъ предложилъ ему у знакомыхъ заводчиковъ мѣсто конторщика съ 20 рублями жалованья и съ готовой квартирой или, вѣрнѣе, съ готовой каморкой подъ крышей. Подумалъ Коля, подумалъ, да и остался въ родномъ городѣ. Надо правду сказать: не всѣмъ же въ столицу итти, надо же кому-нибудь оставаться и въ маленькихъ городахъ и деревушкахъ. Счастье живетъ повсюду, и полезнымъ можно быть вездѣ. Вспомнилось Колѣ, какъ мать ему однажды говорила: «Люби, голубчикъ, всѣхъ! Всѣ люди — братья...» И странное дѣло! Въ школѣ одинъ старикъ, учитель исторіи, прекрасный человѣкъ (хотя и слылъ за чудака), говорилъ имъ почти то же...

— Всѣ люди — братья! — говорилъ старый учитель. — И живи съ ними по-братски, дѣйствуй заодно, если хочешь быть счастливъ и полезенъ другимъ. Какъ съ братьями, дѣли съ ними горе и радость, успѣхъ и неудачи. Всѣмъ дѣлись съ ними, дѣлись послѣдней одеждой, послѣднимъ грошомъ, послѣдней коркой хлѣба! Тогда будешь такъ счастливъ, такъ свѣтло, легко и радостно будетъ у тебя на душѣ, что даже сильные міра сего позавидуютъ тебѣ, если узнаютъ про твое великое счастье! Слава, почести — мыльные пузыри! Съ минуту они играютъ всѣми цвѣтами радуги, а дунь на нихъ — лопнуть, и слѣдъ простылъ... Брось, дитя, не гонись за ними! Ни великаго счастья, ни довольства собой они не дадутъ! Пуще же всего не жадничай, не будь Іудой, не продавай братьевъ своихъ за тридцать сребренниковъ, не собирай богатствъ! Отъ богатства еще менѣе можно ожидать счастья и довольства, чѣмъ отъ почестей и славы. «Отъ трудовъ праведныхъ не нажить палатъ каменныхъ», — го-

ворить народъ. И это вѣрно. Только тотъ наживаетъ великія богатства, кто отдаетъ за нихъ честь, душу, совѣсть! Богатство покупается такою дорогою цѣной, что какъ только купишь его, оно тотчасъ же станетъ тебѣ не мило... Конечно, ты будешь пользоваться имъ и удивлять имъ людей, будешь носить на лицѣ веселую маску, а на душѣ у тебя будетъ смутно, тревожно, на душѣ будутъ кошки скрести... И притомъ богатство всего непрочноѣе на свѣтѣ: воръ его крадетъ, вода топить, и огонь палить... Все счастье, дитя, въ томъ, чтобы безъ семьи, безъ родныхъ не чувствовать себя одинокимъ, чтобы весь родъ людской считать своей семьей, всѣхъ людей за самыхъ близкихъ, искреннихъ друзей, и жить съ ними одною жизнью до могилы. Такая жизнь пройдетъ не попусту. Она будетъ полна и свѣтла. А послѣ такой жизни даже и темная могила не покажется страшна. Помни, дитя...

Благословень и дня восходъ,

Благословень и тмы приходъ!..

Тутъ учитель вздохнулъ и замолчалъ... Колѣ полюбились его рѣчи и глубоко запали ему въ память: не потому ли, что эти рѣчи напоминали ему слова покойной матери его? И онъ рѣшился жить такъ, чтобы завоевать себѣ

именно такое счастье, которое бы ни въ огнѣ не горѣло, ни въ водѣ не тонуло, ни въ воровскія руки не могло попасть, которое было бы выше всего на свѣтѣ,—такое счастье, которому иной и большой человѣкъ позавидуетъ, и которое озарить даже самый мракъ могилы... И прямо изъ школы Коля переселился на заводъ, въ отведенную ему каморку.

Съ той поры его стали звать Николаемъ Васильевичемъ, а чаще просто «конторщикомъ».

Рабочіе, на первыхъ порахъ, смотрѣли на молодого конторщика косо: прежніе конторщики при уплатѣ денегъ почти всегда обсчитывали ихъ, шпиюнили за ними и сплетничали на нихъ хозяевамъ. И хозяева также сначала не довѣряли конторщику, подсматривали, приглядывали за нимъ: конторщики уже не разъ обкрадывали ихъ... Прошло не много, не мало времени, какія-нибудь лѣтъ 5—6, и положеніе нашего конторщика на заводѣ совершенно измѣнилось. Конторщикъ всегда успѣвалъ замолвить словечко за рабочаго-бѣдняка и удерживалъ хозяевъ отъ всякихъ мелкихъ и крупныхъ несправедливостей. Рабочіе, конечно, все это знали и полюбили конторщика. Они вѣрили ему и готовы были идти за нимъ, куда хочешь, въ огонь и въ воду. Нельзя сказать, чтобы хозяева особенно любили конторщика, но они уважали его, какъ работа-

щаго, знающаго и ловкаго человѣка, уважали его за точность, за вѣрность, за умѣнье ладить съ рабочими. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ хозяева все болѣе и болѣе смотрѣли на него, какъ на диво. До тѣхъ поръ, то-есть до знакомства съ Николаемъ Васильевичемъ, они даже и не подозрѣвали того, что можетъ быть на свѣтѣ такой конторщикъ, который довольствовался бы малымъ и не старался бы хоть сколько-нибудь грошей своровать изъ денегъ, проходящихъ черезъ его руки. А черезъ руки Николая Васильевича проходили не рублики, а цѣлыя сотни и тысячи рублей въ день. За его заступничество за рабочихъ хозяева нерѣдко ссорились съ нимъ, очень ссорились, но отказать конторщику отъ мѣста не рѣшались. Приходилось мириться съ нимъ, а рабочимъ то было и на руку... Черезъ 6 лѣтъ хозяева прибавили конторщику жалованья. Самъ же за себя онъ не просилъ никогда, а хлопоталъ только за другихъ.

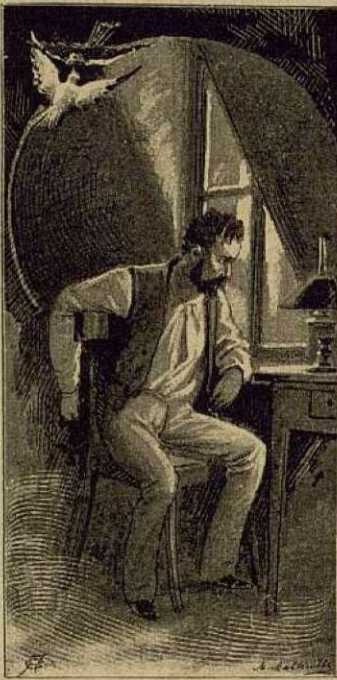
Лѣтомъ съ 6, зимой съ 7 часовъ утра и до 8 часовъ вечера Николай Васильевичъ сидѣлъ за работой въ конторѣ, полутемной, мрачной комнатѣ съ желѣзными рѣшетками у оконъ, съ желѣзными шкапами вдоль стѣнъ и съ большимъ чернымъ столомъ, заваленнымъ счетными книгами, письмами, расписками, квитанціями... Зимой, бывало, онъ приходилъ въ

контору раньше всѣхъ, еще до свѣта, будиль сторожа и часа два работалъ при скупомерцающей свѣчѣ, постукивалъ на счетахъ, читалъ, писалъ. И стукъ косточекъ на счетахъ и скрипъ его пера явственно раздавались въ конторѣ среди ночной тишины. Въ первомъ часу конторщикъ ходилъ въ свою каморку обѣдать. Къ этому времени на окно къ нему постоянно прилетали два голубя, прехорошенькихъ, сизыхъ, съ бѣлой грудкой. Они прилетали за своей дневной порціей хлѣбныхъ крошекъ. Покормивъ ихъ, конторщикъ снова спускался внизъ. Затѣмъ, въ 8 часовъ вечера, усталый возвращался онъ домой... Здѣсь, въ этой маленькой каморкѣ съ крохотнымъ окномъ, онъ, дѣйствительно, былъ «дома», «у себя»... Здѣсь его уже никто не тревожилъ, никто не мѣшалъ ему: онъ отдыхалъ. Здѣсь, надъ кроватью его, на стѣнѣ висѣлъ небольшой портретъ его покойной матери. Портретъ въ полукруглой черной рамкѣ, рисованъ масляными красками и сдѣланъ не очень блестяще, но для нашего конторщика онъ дорогъ и милъ. Здѣсь, въ этой маленькой, тѣсной каморкѣ съ низкимъ потолкомъ, конторщикъ переставалъ быть рабочимъ, выучнымъ животнымъ; здѣсь онъ становился человекомъ. Здѣсь онъ думалъ, читалъ, мечталъ, строилъ воздушные замки, составлялъ планы на будущее

и, глядя на портретъ въ черной рамкѣ, уходилъ въ прошлое, въ воспоминанія...

Онъ любилъ свою каморку... Къ конторѣ онъ также, конечно, привыкъ, но контора все-таки ему не нравилась: слишкомъ мрачное по-

ДОКУМЕНТАР

мѣщеніе... Изъ оконъ конторы видны только красныя кирпичныя стѣны мастерскихъ да высокія закопѣлыя трубы, то и дѣло изрыгавшія дымъ и искры. Невеселая картина... Каморка же хотя и мала, да зато ея окно безъ желѣзныхъ рѣшетокъ. И видъ изъ окна чудесный... Внизу, глубоко, — мастерскія, надъ ними поднимаются трубы, далѣе во всѣ стороны расходятся черепичныя и же-

лѣзныя кровли, а надъ кровлями изъ оконца даже виденъ клочокъ неба. Конечно, этотъ клочокъ не великъ, но важно то, что Николай Васильевичъ въ досужую минуту можетъ смотрѣть, любоваться на него. И въ лѣтнюю цвѣтущую пору куда-куда только не ведетъ

его въ его мечтахъ этотъ лазурный клочокъ неба. Онъ ведетъ его далеко-далеко, въ поля, въ луга, въ лѣса, гдѣ журчатъ ручьи, плещутъ тихимъ, баюкающимъ плескомъ рѣчные волны, гдѣ не трещать, не грохочутъ машины, не дымятъ и не сыплютъ искрами закопѣлыя высокія трубы, гдѣ воздухъ чистъ, небо сине, и все отъ края до края видимо человѣку, гдѣ цвѣтутъ цвѣты, и жаворонокъ поетъ въ сіяющихъ небесахъ... Такъ подумаетъ, помечтаетъ, бывало, нашъ Николай Васильевичъ, и опять за работу.

Въ такія досужія минуты, въ тихій вечерній часъ, припоминалась ему иногда и его маленькая подруга дѣтства, припоминалось и — то, какъ онъ уговаривался съ ней и съ мамой жить въ деревнѣ. «Гдѣ-то ты теперь, Соня? Жива ли? А если жива, то счастлива ли?» — думалось ему. Не удалось нашему конторщику пожить среди полей и цвѣтовъ. За счетами да за книгами, среди дыма и копоти, посреди заводскаго стука и грохота проходитъ его жизнь... Ахъ, этотъ грохотъ, весь день несмолкающій! точно громъ, съ утра до ночи перекачивается онъ по мастерскимъ. Сначала онъ просто оглушалъ конторщика... Но со временемъ мало-по-малу конторщикъ привыкъ къ шуму и треску, ко всей этой тяжелой заводской жизни. Такъ шли день за днемъ, проходили мѣсяцы, годы... И

нашъ конторщикъ, наконецъ, такъ сжился съ заводомъ, съ его рабочимъ людомъ, такъ замкнулся въ этихъ мрачныхъ, закоптыхъ стѣнахъ, что за воротами заводскими для него уже простирался словно какой-то невѣдомый, чуждый для него міръ. Онъ жилъ какъ бы въ монастырѣ, съ той только разницей, что время проводилъ не въ одной молитвѣ, а въ тяжкихъ трудахъ съ утра до ночи. Онъ давно уже называлъ заводъ «своимъ» и говорилъ постоянно: «У насъ, на заводѣ». Онъ считался уже старожиломъ на заводѣ. Рѣдко выходилъ онъ съ завода... Въ праздники, послѣ класса и бесѣды съ рабочими (при заводѣ Николай Васильевичъ устроилъ для рабочихъ воскресную школу), хаживалъ онъ въ ясные лѣтніе вечера за городъ подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Тогда видалъ онъ издали зеленые луга, рощи и деревни, среди которыхъ еще въ дѣтствѣ ему хотѣлось пожить. Полюбовавшись на нихъ издали, конторщикъ снова надолго возвращался въ свою тѣсную каморку, къ голубямъ, къ портрету въ черной рамкѣ и къ маленькому клочку неба, сіявшему въ оконце.

Въ одну изъ своихъ прогулокъ за городъ Николай Васильевичъ нашелъ въ канавѣ маленькаго рыжаго щенка. Несчастный щенокъ чуть не захлебывался въ грязи и въ тинѣ и такъ жалобно пищалъ. Жаль стало контор-

щику это маленькое, беспомощное создание, безвинно осужденное на вѣрную смерть... Взялъ онъ щенка на руки, вытеръ его, кое-какъ обогрѣлъ и отнесъ на заводъ, въ свою камеру. Онъ оставилъ этого щенка у себя и полюбилъ его... Щенка почему-то прозвали на заводѣ Каштанкой, и это прозвище такъ и осталось за нимъ навсегда. Каштанка зналъ всѣхъ рабочихъ, а рабочіе знали его. Изъ жалкаго, заброшеннаго щенка вышла добрая и умная дворовая собака. Конечно, немногіе называли бы Каштанку красивой собакой... Шерсть рыжая, всклокоченная; хвостъ кудлатый; движенія неповоротливыя... Да и то сказать: что красиво, что нѣтъ? Кто рѣшить?.. Вонъ нѣкоторые восхищаются прилизанными ливретками или красноглазыми болонками... А что въ нихъ такого особенно красиваго?.. А что хорошо было у Каштанки, такъ это каріе, спокойные, умные глаза! Сидитъ, бывало, Каштанка за воротами и неподвижно, задумчиво глядитъ передъ собой, точно что-нибудь соображая про себя, а то вдругъ опуститъ внизъ свою взъерошенную голову и ужъ совсѣмъ какъ будто погрузится въ раздумье... Конторщикъ спасъ его отъ голодной смерти, самъ выкормилъ его и никогда не упускалъ случая дать ему лишній кусокъ хлѣба или бросить аппетитную кость. И Каштанка

любилъ Николая Васильевича, бѣгалъ за нимъ по пятамъ, издали узнавалъ его по чутью...

Проходилъ годъ за годомъ. За зимой шло лѣто, за лѣтомъ — зима, и такъ прошло добрыхъ 14 лѣтъ. 30 лѣтъ уже стукнуло конторщику... Правду ли сказалъ ему старый учитель? Добился ли онъ счастья? Да! Онъ чувствовалъ себя счастливымъ. Онъ чувствовалъ, что въ средѣ рабочихъ онъ свой человекъ. Его любятъ, уважаютъ, вѣрятъ ему. Веселый и грустный, — всѣ идутъ къ нему. Веселый дѣлится съ нимъ своею радостью, печальный — горемъ. Тотъ и другой идутъ къ нему за совѣтомъ, повѣряютъ ему всѣ свои тайны, въ полной увѣренности, что конторщикъ ихъ ни за что не выдастъ... Нищая старушка, встрѣченная имъ на дорогѣ, напоминала ему мать; каждая маленькая бѣдная дѣвочка была для него Соней... Съ любовью и почтеніемъ говорилъ онъ со старушкой, съ братской нѣжностью ласкалъ онъ дѣвочку и всѣмъ, чѣмъ могъ, помогалъ имъ... Онъ не остался въ мірѣ одинокимъ. У него большая семья. Всѣ дѣти и взрослые, всѣ люди, постигнутые бѣдой, всѣ несчастные, убогіе, хилые, больные, бѣдные, — вотъ его семья. Это великая семья, и живетъ она вездѣ, раскинутая по всему міру: въ большихъ, прекрасныхъ городахъ, и въ деревушкахъ, и на фабрикахъ, и на заводахъ,

и въ лѣсахъ, и въ степяхъ, и на большихъ дорогахъ, — повсюду и вездѣ... Да! Нашъ конторщикъ былъ счастливъ или, вѣрнѣе, онъ былъ бы совершенно счастливъ, если бы могъ помочь всѣмъ... Только эта-то невозможность помочь всѣмъ и сокрушала его втайнѣ, нагоня тѣнь на его добродушное лицо.

Наконецъ, отъ слишкомъ изнурительныхъ, непосильныхъ трудовъ здоровье конторщика распаталось. Осенью онъ заболѣлъ: у него стали зябнуть ноги, ныла грудь, часто трясла его лихорадка. Никакой жаръ, никакая печка не могли согрѣть его. Его билъ ознобъ, а на исхудалыхъ щекахъ игралъ, горѣлъ нехорошій, недобрый румянецъ. Николай Васильевичъ долго кое-какъ перемогался, черезъ силу иной разъ ходилъ въ контору, черезъ силу продолжалъ съ рабочими свои воскресныя бесѣды. Во время одной бесѣды ему стало очень плохо. Онъ закашлялся, схватился за грудь. На губахъ его показалась кровь... Двое рабочихъ уже подъ руки увели больного въ его каморку. Это случилось въ половинѣ ноября. Въ началѣ декабря онъ уже слегъ... Чохотка губить быстро людей молодыхъ... Недолго пришлось полежать Николаю Васильевичу.

Хозяинъ заходилъ къ больному нѣсколько разъ. Рабочіе каждый день навѣдывались. Прислуживалъ ему заводскій мальчикъ Матюша.

Каштанка почти безвыходно оставался въ каморкѣ. Иной разъ, когда Каштанкѣ надоѣдало лежать подъ столомъ, онъ взбирался къ больному на постель, укладывался у него въ ногахъ и подолгу пристально смотрѣлъ на него своими хорошими, карими, задумчивыми глазами.

— Что, Каштанка, скажешь? — слабымъ голосомъ промолвить, бывало, больной, опуская руки на его косматую голову.

Каштанка въ отвѣтъ ему замашетъ хвостомъ, подползетъ къ нему ближе и начнетъ лизать у него руку. А рука худая, тонкая, прозрачная... безсильная рука! Но эта рука спасла Каштанку отъ смерти, кормила, поила его, ласкала... Каштанка лижетъ руку. По глазамъ видно, что собака все понимаетъ и чувствуетъ, понимаетъ и то, что хозяинъ ея боленъ, что ему грустно, тяжело. Грустно и Каштанкѣ... Только вотъ горе: говорить-то Каштанка не можетъ! А если бы Каштанка заговорилъ, почему знать? Можетъ-быть, и сказалъ бы умнаго, правдиваго, искренняго гораздо болѣе, чѣмъ тѣ двуногія животныя, которыя говорятъ съ утра до ночи, лгутъ, клевещутъ, обманываютъ другъ друга, бранятся или просто болтаютъ вздоръ...

Незадолго до Рождества Николаю Васильевичу стало совсѣмъ плохо. Смерть уже надвигалась къ нему, туманила ему глаза, холодила руки, ноги и захватывала дыханіе... Тутъ

однажды вечеромъ пришелъ и его послѣдній часъ... Странная исторія случилась тогда съ конторщикомъ.

ДОКУМЕНТАРНО

Какъ огненными буквами написанныя, встали тогда передъ нимъ слова стараго школьнаго учителя: «Жизнь того, кто жилъ для ближнихъ, кто жилъ съ ближними по-братски, пройдетъ не напрасно, и смерть тому будетъ не страшна!» Да! У конторщика совѣсть спокойна. Это онъ чувствуетъ, сознаетъ. Онъ приносилъ пользу многимъ, онъ любилъ и былъ любимъ добрыми, честными людьми. Съ людьми бѣдными и несчастными, кто бы они ни были, онъ, по завѣту учителя, дѣлился всѣмъ: съ ними онъ страдалъ, печалился, радовался, съ ними порой и пѣсни пѣлъ... Каждый изъ насъ, читатели, когда-нибудь умретъ. Хорошо было бы для насъ, если бы мы могли встрѣтить смерть такъ же спокойно, какъ этотъ человекъ...

И тутъ, въ одинъ мигъ, съ быстротой молніи, передъ умирающимъ разомъ озарилась какимъ-то чудеснымъ свѣтомъ вся его прошлая жизнь, и на мгновенье предстала ему воочию жизнь любви и труда... Все, чего уже давно не было видно, стало видимо, далекое стало близкимъ, умершее ожило, забытое воскресло, и вся эта пестрая жизнь, до тѣхъ поръ сбитая въ комокъ, развернулась длинной лентой. Вся жизнь, начиная съ дѣтскихъ святоч-

ныхъ елокъ и до послѣдняго часа смертныхъ страданій, промелькнула передъ нимъ... Въ глазахъ его стало уже темнѣть...

ДОКУМЕНТАР

Почти ощупью положилъ онъ руку на плечо Матюшѣ и прошепталъ:

— Скажи нашимъ, что я приказалъ имъ долго жить!.. Скажи, чтобы они дружили... скажи... да... Прощай, Матюша!..

Послѣднія слова были сказаны такъ тихо, голосомъ такимъ слабымъ, какъ легкій шелестъ листьевъ, какъ вѣяніе вѣтерка... Матюша даже не слышалъ ихъ.

Скоро рабочіе узнали, что не стало у нихъ конторщика-доброхота.

Послѣ него осталось 160 рублей. Вотъ все, что скопилъ онъ въ 14 лѣтъ своей службы на заводѣ. Покойный обыкновенно раздавалъ деньги старухамъ, старикамъ, дѣтямъ-сироткамъ и мастеровымъ, бывшимъ безъ работы... Оставшимися 160 рублями покойный распорядился такъ: малая часть изъ нихъ должна была пойти на его похороны, а все остальное за-

водскимъ мальчикамъ на книги... Онъ наказалъ и просилъ похоронить себя просто, какъ хоронять рабочихъ. Такъ и сдѣлали...

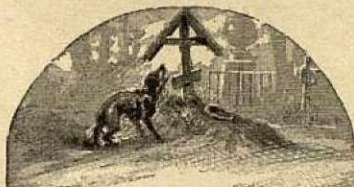
ДОКУМЕНТА

Только рабочіе захотѣли непременно положить ему на гробъ вѣнокъ—и положили. Бѣдняга!.. Не удалось тебѣ пожить среди настоящихъ, живыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, и даже тутъ, на гробѣ, очутились мертвые, искусственные цвѣты на проволокахъ, изъ цвѣтной бумаги!..

Теперь читатели знаютъ, для кого были разбросаны еловые вѣтви... Такова исторія двухъ елей и одной человѣческой жизни.

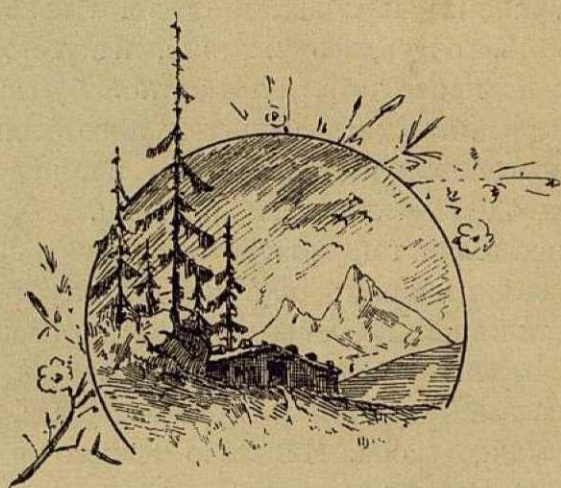
А процессія той порой уже давно пришла на кладбище. Гробъ опустили въ яму, рабочіе бросили въ нее по горсти земли, и могильщики стали засыпать могилу. Сухая, мерзлая земля посыпалась комьями и глухо застучала, падая на крышку гроба. Не стало нашего конторщика, но память о немъ станетъ жить среди рабочихъ... Могила засыпана. Снѣгъ пошелъ сильнѣе, повалилъ густыми хлопьями. Рабочіе, Матюша и старушка ушли съ кладбища...

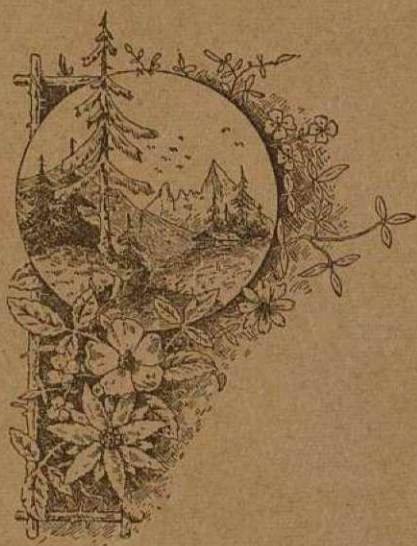
На могилѣ, заносимой снѣгомъ, остался только одинъ рыжій, косматый Каштанка...

Д. 1692/1

ДОКУСФЕРА

Цѣна 20 коп.

ДОКУСФЕРА

ДОКУСФЕРА

2007054248